
Истоки коррупционного поведения: психологический аспект

Нурмухаметов Э.А., кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО БашГУ, Уфа, Россия (misall@mail.ru)

Нурмухаметова И.Ф., кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО БашГУ, Уфа, Россия (if44@bk.ru)

Политика О.И., кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологического сопровождения и клинической психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО БашГУ, Уфа, Россия (oksanapolitika@yandex.ru)

В статье приводятся данные теоретического анализа феномена коррупции и коррупционной деятельности. Данный феномен учеными и практиками воспринимается привычнее в экономическом и правовом аспектах, тогда как с психологической точки зрения дефиницию «коррупция» авторам удастся проанализировать лишь опосредованно и несколько дистантно. Более того, психологический анализ коррупционной проблематики в основном строится в русле морально-этических и философских воззрений. В данной статье коррупция и коррупционная деятельность рассматриваются в контексте деятельностного подхода А.Н. Леонтьева. Высказывается идея о том, что одной из причин развития коррупционного поведения личности может служить дефицит личностных и средовых ресурсов человека, который позволяет обнаружить себя в таком социально-психологическом феномене, как «дефицитарность нормативного поведения» на ранних этапах взросления человека. С позиций деятельностного подхода А.Н. Леонтьева выдвигается предположение о том, что дефицитарность раскрывает себя на трех уровнях жизнедеятельности: физиологическом, психическом, личностном. Делается вывод о том, что дефицитарность нормативного поведения способствует деформации личностной структуры, носит деструктивный характер и блокирует дифференциацию психических функций, снижая динамичность межличностных взаимодействий.

Ключевые слова: коррупционная деятельность, коррупция, деятельностный подход, норма, нормативное поведение, дефицитарность.

Для цитаты:

Нурмухаметов Э.А., Нурмухаметова И.Ф., Политика О.И. Истоки коррупционного поведения: психологический аспект. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 49-58.

doi: 10.17759/psylaw.2019090404

For citation:

Nurmakhametov E.A., Nurmukhametova I.F., Politika O.I. The origins of corrupt behavior: psychological aspect. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiiia i pravo [Psychology and Law]*, 2019(9), no. 4. pp.49-58. doi: 10.17759/psylaw.2019090404

Рост коррупции и коррупционной деятельности в стране приводит к катастрофическим последствиям, так как коррупция является прочной основой для развития в стране преступности, террористических и экстремистских проявлений, приводит к моральному упадку и деградации, что формирует негативный образ страны, который, в свою очередь, способствует ухудшению инвестиционного климата в государстве, и не только. Значимость изучения коррупционной деятельности и феномена коррупции на современном этапе российского общества обуславливается также единичностью и односторонностью теоретических, практико-ориентированных исследований в данной области психологической науки. Данный феномен учеными и практиками воспринимается привычнее в экономическом и правовом аспектах. Тогда как с психологической точки зрения коррупцию авторам удается проанализировать лишь опосредованно и несколько дистантно. Более того, психологический анализ коррупционной проблематики в основном строится в русле морально-этических и философских воззрений. Правда, отдельные аспекты коррупционной проблематики изучаются в юридической психологии, а с недавнего времени и в правовой акмеологии. Тем не менее, существующие психологические исследования в сфере коррупции носят эскизный характер. Например, в трудах А.К. Акименко, Г.В. Грачёва, В.В. Знакова и иных исследователей рассматриваются теоретические модели этической нормы (нравственности, морального кодекса) личности, где исследуются частные аспекты безнравственно-порочающего и преступного паттерна поведения, однако не в аспекте коррупции. Достаточно полно представлены исследования, изучающие психологические особенности личности коррупционера (О.Р. Абрамовская, М.В. Кроз, Н.А. Ратинова и др.), личностные детерминанты коррупционного поведения (О.В. Ванновская, И.В. Девятовская, Э.Э. Сыманюк и т. д.), факторы, формирующие отношение к коррупции в массовом сознании (Н.В. Ванюхина, О.В. Григорьева, А.М. Шевцов и др.) [9]. Таким образом, с точки зрения психологии, проблема коррупции на сегодняшний день изучена фрагментарно, являясь особо значимой, как в плане взаимоотношений личности и относительно конкретной группы, так и в более обширном социальном контексте. Однако для того, чтобы понять глубину феномена «коррупционная деятельность», построив причинно-следственную связь, рассмотрим понятия «деятельность» и «норма».

В отечественной психологии категория «деятельность» была введена М.Я. Басовым. Автор отмечал, что деятельность имеет собственную структуру. Разбор и детализация строения деятельности, согласно М.Я. Басову [1], является первоначальной точкой отсчета в системе научной психологии. При этом, как верно подчеркивает А.Н. Леонтьев, деятельность — это «... молярная, не аддитивная единица жизни телесного, материального субъекта ... на психологическом уровне, это единица жизни, опосредованной психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире» [7, с. 141]. Следовательно, деятельность, по мнению А.Н. Леонтьева, это «... не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» [7, с. 142]. Схожее толкование категории «деятельность» мы

находим в определении Л.А. Радзиховского: «Деятельность — это специфически человеческая целенаправленная активность, развивающаяся во времени, социальна, т. е. вызывается общественно значимыми целями, подчинена общественным нормам и корректируется ими, конституируется общественными средствами и орудиями» [12, с. 121]. При этом, характерной чертой деятельности является наличие сознаваемой субъектом цели его активности. Поскольку, как отмечает С.Л. Рубинштейн, «... деятельность и сознание — не два обращенных аспекта в разные стороны. Они образуют органическое целое, не тождество, но единство» [13, с. 29]. Однако А.Н. Леонтьев конкретизирует данный тезис и расширяет его: «... сознание человека — это внутреннее движение его образующих, включенное в общее движение деятельности, осуществляющей реальную жизнь индивида в обществе... деятельность человека и составляет субстанцию его сознания» [7, с. 76]. Вместе с тем существуют и иные точки зрения на понимание деятельности в психологии. Например, П.А. Рудик анализировал деятельность через действия: «Деятельностью называется совокупность действий человека, направленных на удовлетворение его потребностей и интересов» [14, с. 409]. Правда, с этой позиции ускользает из вида специфика умственных действий и деятельности, так как в той или иной деятельности человек в определенной степени сознает цель собственных действий, мысленно представляет предполагаемый итог в результате их совершения, воспринимает и расценивает условия, в которых он действует.

Можно было бы и дальше вести научный дискурс о наиболее рациональном и осмысленном подходе трактовки, понимания деятельности в культурно-историческом смысле, если бы А.Н. Леонтьев не отметил, что «человеческая жизнь — это совокупность, а точнее, система сменяющих друг друга деятельностей» [7, с. 141]. С позиций деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, на психологическом уровне деятельность представляет собой единицу жизни, включенную в систему отношений конкретного социума. Автор выдвигает мысль о том, что в процессе эволюции психика развивается и представляет собой развитие предметного содержания деятельности; предметный мир включается в деятельность, расширяя сферу знания человека, а знание изменяет его предметный мир. Таким образом, в подходе А.Н. Леонтьева усматривается структурность и системность деятельности: любая деятельность имеет одинаковую структуру, а основным структурным компонентом деятельности является действие, при этом ее организация в целом представляет собой иерархию систем действий разного уровня сложности.

Взяв за теоретико-методологическую основу исследования подход А.Н. Леонтьева, можно заключить, что коррупционная деятельность психологически организована подобно другим видам деятельности. С одной стороны, она характеризуется предметным мотивом, целенаправленностью, эвристическим характером, а с другой стороны, она включает в себя несколько последовательных фаз (ориентировки, планирования, реализации плана, контроля). Вместе с тем в данной деятельности находит свое отражение и направленность личности коррупционера: ценностные ориентации, мотивация, воля, темпераментальные особенности, характер, профессионально-нравственные убеждения и т. д. Должностное лицо является отражательным продуктом общества, следовательно, и коррупционная деятельность представляет собой разновидность социальной деятельности. При этом граница в социальной деятельности между нормой и отклонением бывает недостаточно четкой, так как зависит от позиции и норм того, кто оценивает деятельность и относительно каких норм общества ставится оценка.

Как было отмечено нами в ранних работах, «... в исследованиях, посвященных проблеме поведения личности (П.Г. Блонский, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и

др.), норма в поведении подразумевалась как нечто противоположное отклонениям (девиациям), при этом ведущей теорией, объясняющей отклоняющееся (ненормативное) поведение человека в прошлом веке, считалась биологизированная теория, в качестве ее базиса выступало понимание человека как развитого животного» [8, с. 303]. Однако, если анализировать коррупцию и коррупционную деятельность с точки зрения нормативного поведения личности, по мнению отечественных ученых, сложность в исследовании с данной позиции заключается в «... расхождении между декларируемыми моральными нормами и принципами, с одной стороны, и реальной мотивацией поступков индивида — с другой» [4, с. 27]. Вместе с тем логично предположить, что «... оценка отклонений любого уровня и масштаба в своей основе должна опираться на норму в поведении, так как если норма не выделена, не представлена в виде эталона и ориентира, то невозможно оценивать отклонения в поведении» [8, с. 306].

В философии, психологии и социологии накоплен достаточно весомый концептуальный и практический материал, посвященный проблемам социальной нормы, нормативности и нормативного поведения личности. Однако существующие теоретические подходы не выступают как единая концепция, имеющая единый понятийный аппарат, что вызывает определенные трудности в рассмотрении нормативной проблематики. Можно предположить, что многосложность развития в онтогенезе, социокультурность и индивидуализм приобретенного опыта поведения человека зависят у человека от изменчивости общеустроенности. В связи с этим резонно предположить, что нормативное поведение коррупционера формируется под воздействием социального нормативного решения и диктует субъективное понимание конвенциональных запретов и мировоззрения личности в целом, что приводит к паттерну поведения, где триггером механизма социального саморегулирования является дезадаптированное правосознание и преморбид коррупционера. Потому что, коррупционер либо отрицает конкретную правовую норму или группу норм, защищающих общественные отношения, либо понимает правовые нормы абстрактно. Одновременно с этим стоит подчеркнуть, что в личностном развитии человека, при наличии нехватки социальных норм на ранних этапах взросления, в поведении происходит ряд изменений, затрагивающих как психику, так и личность в целом, что влечет за собой определенные последствия. Яркий тому пример — низкие антикоррупционные установки личности, формируемые под влиянием значимых для человека лиц, а также под влиянием его внутренних личностных детерминант.

Отмечая теоретическую и практическую значимость проблематики социальной нормы, необходимо отметить разрозненность интерпретаций, обширное число мнений и подходов в ее исследовании. Проведенный нами ранее интент-анализ понятия «социальная норма» в трудах отечественных и зарубежных исследователей позволил нам отнести социальную норму к следующим пяти стратам: «во-первых, это средство регуляции и организации поведения (П.М. Дизель, Р. Мертон, Т. Парсонс и др.); во-вторых, эталон и граница (В.Д. Плахов); в-третьих, образец ценностей (Э.А. Гансова и П.К. Гречко); в-четвертых, особый уровень социальной информации (С.А. Даштамиров); в-пятых, алгоритм разрешения напряжения индивидуальных и групповых тенденций (Н.Е. Веракса)» [8, с. 305]. Исходя из сказанного выше, отметим, что данные трактовки, за исключением, возможно, последней, указывают на узость и ограниченность ее понимания в качественном аспекте. В результате была предпринята попытка конкретизировать социальную норму и описать ее как «... механизм опосредования и регуляции межличностных отношений в условиях социального пространства» [8, с. 305]; при этом необходимо отметить, что социальные нормы категоризированы, т. е. соотносятся с теми или иными категориями лиц, ситуаций,

условий, объектов. Так же содержательный аспект социальных норм раскрывается критериями социального общения «как формы совместной деятельности» [8, с. 305], но без учета таких психологических параметров, как, например, содержательно-оценочное отношение коррупционера к нормам, а также степень его готовности следовать групповым нормам, невозможно дать всесторонний анализ коррупционной деятельности, поскольку коррупция вбирает в себя как этические, так и гражданско-правовые, административные проступки, преступления. Рамки этических норм весьма размыты — там, где одно правонарушение вызовет общественное осуждение, другое может быть воспринято как норма. Одно правительство воспринимается как коррупционное, другое вызывает одобрение; и данное положение не всегда является отражением действительности. Поэтому такое многообразие этических настроений представляет собой серьезное препятствие для реализации мер противостояния коррупционной системе. Вместе с тем отметим: «...отнесение коррупционной деятельности к сфере ненормативного поведения личности не всегда представляется возможным, так как если коррупцию в социальных отношениях пропагандируют как «норму», то и проявление коррупционной деятельности в обществе также станет «нормой», оставаясь при этом искаженной нормой с моральной и правовой точки зрения» [9, с. 292].

Исходя из всего выше сказанного, можно сделать вывод о том, что нормативное поведение возможно при адекватном и полном восприятии ситуации, где есть достаточно четкие правила поведения (нормативной ситуации). При недостаточном уровне личностного и средового ресурса, ведущего к неадекватному восприятию такой ситуации, мы можем говорить о дефиците освоения социальной нормы, что, в свою очередь, проявляется в дефицитности нормативного поведения в процессе развития личности.

Согласно возрастной периодизации Л.С. Выготского, формированию личности способствуют сензитивные периоды формирования личностных новообразований [3]. В качестве условия развития выступают личностные и средовые ресурсы. К личностным ресурсам, по мнению Л.В. Куликова, относятся: физические ресурсы; использование методов или способов достижения поставленной цели; умение контролировать ситуацию; готовность к самоизменению; способность к адаптации; активность по изменению ситуации взаимодействия личности и стрессогенной ситуации; интерактивные приемы или методы изменения себя и внешней ситуации; позитивность и рациональность мышления; сила Я-концепции; способность к когнитивной структуризации и осмыслению ситуации; самооценка; самоуважение; активная жизненная установка; ощущение собственной значимости; «самодостаточность»; эмоционально-волевые качества и пр. [6]. Вместе с тем, по данным Г.С. Никифоровой, С. Хобфолл добавляет данный вид ресурсов такими интерперсональными переменными, как самоуважение, профессиональные умения, оптимизм, самоконтроль, жизненные ценности, система верований и др. [11]. Среда предлагает ресурсы в виде материальной обеспеченности, но нематериальную направленность, дающую целеполагание, формирование социальной поддержки. Отсутствие или нехватка описанных выше ресурсов является дефицитом, приводящим к затруднению или невозможности возникновения личностных новообразований.

Принимая во внимание, что в данной статье перед нами стоит изначально задача провести содержательный анализ коррупции и коррупционной деятельности в первую очередь в русле юридической психологии, рассмотрим кратко понятие «дефицитность» с позиций именно данной отрасли психологической науки. Обобщив результаты научных исследований по проблеме дефицитности в юридической психологии, можно отметить,

что нарушения процесса регуляции межличностных отношений с микро- и макросоциумом приводит к разрушению внешней границы самости.

Проявление в поведении чрезмерной зависимости от норм, задающихся окружающими, и от установок наблюдается при наличии дефицитарности внешней «сверхпроницаемой» границы. Сформированность дефицитарности такого типа приводит к невозможности устанавливать и контролировать межличностную дистанцию, к неспособности рефлексировать собственные интересы и потребности, а также к неумению отказывать другим. На практике проявление данного типа дефицитарности наблюдается в большей степени в «тюремной субкультуре». Жизнь заключенного, включенного в сферу этой субкультуры» зависит от групповых норм поведения, направленных на криминальные ценности, Осужденный, находясь под тотальным воздействием ценностей и норм криминальной субкультуры, просто не в состоянии отстаивать свои цели, интересы, ценности, он не способен отделять свои переживания и чувства от переживаний других людей. Человек, пребывающий в тюрьме длительное время за совершенное им правонарушение, зачастую ощущает серьезную сложность в случае отсутствия контактирования со средой, поскольку у него прослеживается в поведении тенденция не к равноправным зрелым отношениям, а к симбиотическому слиянию. В результате этого, такой человек будет в большей степени также всецело настроен и устремлен объединиться с преступной средой после выхода из тюрьмы на свободу. Как верно подмечает А.В. Кокурин, дефицитарность нормативного поведения носит деструктивный характер, блокирует дифференциацию психических функций, снижает динамичность межличностных взаимодействий [5].

Не менее интересна точка зрения по вопросу дефицитарности и в области социальной психологии. Так, С.В. Березин с соавторами полагают, что под термином «дефицитарность» скрывается аффективная потребность — потребность быть принятым в группе, субъективное переживание значимости. Авторы данного положения считают, что побуждения, основанные на избыточности, возникают тогда, когда субъект переживает ощущение свободы, а именно свободы воспользоваться своими возможностями, что подталкивает его вперед, за пределы его поведения. Примером такого рода состояний, на их взгляд, является бравада. В браваде, порой уводящей человека за рамки того поведения, которое соответствовало бы его потребностям, субъект использует избыток своих возможностей, так как он чувствует себя не ограниченным, смелым, рискующим. Такое побуждение активности субъекта посредством реализации «могу» в определенной области отношений или деятельности снижает или снимает остроту переживаний «не могу» в других сферах отношений и деятельности [2]. С точки зрения С.Л. Рубинштейна, «... переживание “могу” — это избыток такого переживания, что близко по смыслу к понятию, которое автор обозначал как термин “интерес”» [13], а В.А. Петровский понимал под этим «устремление» [10]. Существуют различные варианты «я могу»: я могу это употребить в компании друзей, я могу потребовать, я могу это взять. «Я могу» характеризуется тем, что личность считает, что ей ничего не помешает это совершить, далее возникает ощущение безграничных возможностей, что позволяет разрешить генерализованную неудовлетворенность. Как следствие этого встает вопрос о соотношении предметной и личностной задач, возникающих перед человеком в проблемной для него ситуации. Важно понимать, что корректность анализа проблемы дефицитарности будет возможна лишь при комплексном исследовании данного феномена, который будет базироваться, прежде всего, на социально-психологических предикторах (основные, значимые, весомые признаки) нормативного поведения личности.

Если попытаться проанализировать дефицитарность с позиций деятельностного и системного подходов, то можно предположить, что данный феномен раскрывает себя на трех уровнях жизнедеятельности. Так, на первом уровне — физиологическом — дефицитарность нормативного поведения личности будет выражаться частичной (ограниченной) выработкой внешних и внутренних способов, средств и условий, обеспечивающих личности в дальнейшем ее нормативное поведение. В том числе имеют место быть и ошибочные действия, заставляющие личность проявлять ненормативное поведение в той или иной ситуации. На втором уровне — психическом — дефицитарность нормативного поведения личности будет характеризоваться смазанными представлениями и осознанием личностью совершаемых ею психических функций и операций в силу недостаточности абстрактных понятий. Незрелость регуляторных функций, мотивационно-волевой и когнитивной сфер затрудняет социальную адаптацию личности, в силу чего она не в состоянии следовать установленным правилам поведения в социуме. Иными словами, речь может идти об инфантилизме личности. Следовательно, дефицит определенных базовых когнитивных и аффективных компонентов психической сферы приводит к образованию дефицитарности нормативного поведения личности, что проявляется, в первую очередь, в специфических видах коммуникативной недостаточности, которая приводит к проблемам в социальном поведении индивида в целом, к его социальной дезадаптации и дезинтеграции. На третьем уровне — личностном — дефицитарность нормативного поведения личности проявляется опосредованно через ошибочные действия человека, заставляющие его проявлять ненормативное поведение в той или иной ситуации. Следовательно, дефицитарность нормативного поведения представляет собой психологический феномен, связанный с нехваткой (дефицитом) определенных личностных и средовых ресурсов, находящихся в пространстве жизнедеятельности личности и необходимых ей для удовлетворения своих потребностей, приводящей в итоге к деформации личностной структуры, дезинтеграции и дезадаптации. Иначе говоря, дефицитарность носит деструктивный характер, блокирует дифференциацию психических функций, что влечет нарушения при формировании как когнитивной сферы, так и межличностных взаимодействий. В результате этого возникает образование сложного комплекса негативных эмоциональных проявлений, сужение сфер человеческого взаимодействия и взаимопонимания, приводящие к доминированию в них агрессии и конфликтов. Безусловно, выделенные уровни данного феномена являются базисными и не исчерпывают всего многообразия ее качественных характеристик (осознанность, понимание и восприятие, эмоциональность, сензитивность, эмоциональная направленность, детерминированность, активность).

Таким образом, проведенный теоретический анализ феномена коррупции и коррупционной деятельности в контексте психологии позволяет заключить, что одной из возможных причин развития коррупционного поведения личности может быть дефицит личностных и средовых ресурсов человека, позволяющий обнаружить себя в таком феномене, как «дефицитарность нормативного поведения» на ранних этапах взросления человека, способствующий деформации личностной структуры, дезинтеграции и дезадаптации, имеющий деструктивный характер и блокирующий дифференциацию психических функций, снижая динамичность межличностных взаимодействий.

Литература

1. Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1975. 432 с.
2. Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.А. Психология наркотической зависимости и созависимости. М.: МПА, 2001. 231 с.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
4. Закирова Л.М. Личностные особенности лиц с коррупционным поведением // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 26—34.
5. Кокурин А.А. О структурах малых групп и их исследовании // Коллектив и личность / Под ред. Е.В. Шороховой, К.К. Платонова. М.: Наука, 1975. С. 57—65
6. Куликов Л.В. Психогигиена личности. СПб.: Питер, 2004. 464 с.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 130 с.
8. Нурмухаметов Э.А. К вопросу о нормативом поведении подростка в условиях школьного обучения [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65844.shtml (дата обращения: 01.04.2019).
9. Нурмухаметов Э.А., Иванова Е.В. К вопросу об изученности и возможных траекториях решения проблемы коррупционной деятельности в контексте комплексного междисциплинарного подхода // Евразийский юридический журнал. 2017. № 9(112). С. 291—292
10. Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 40—56.
11. Психология здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006. 607 с.
12. Радзиховский Л.А. Деятельность: структура, генез, единицы анализа // Вопросы психологии. 1983. № 6. С. 121—127.
13. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
14. Рудик П.А. Психология: учебник для студентов. М.: Физкультура и спорт, 1964. 462 с.

The Origins of Corrupt Behavior: Psychological Aspect

Nurmukhametov E.A., *Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of General Psychology, Department of Psychology, BashSU, Ufa, Russia (misall@mail.ru)*

Nurmukhametova I.F., *Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of General Psychology, Department of Psychology, BashSU, Ufa, Russia (if44@bk.ru)*

Politika O.I., *Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Department of Psychology, BashSU, Ufa, Russia (okcanapolitika@yandex.ru)*

The article presents data from a theoretical analysis of the phenomenon of corruption and corrupt practices. This phenomenon is perceived by scientists and practitioners more often in economic and legal aspects. Whereas from a psychological point of view, the authors analyze the definition of "corruption" only indirectly and somewhat distantly. Moreover, the psychological analysis of corruption issues mainly aligns within the framework of moral, ethical and philosophical views. In this article, corruption and corruption practices are considered in the context of the activity approach of A.N. Leontiev. It is suggested that one of the reasons for the development of corrupt behavior of a person can be a shortage of personal and environmental resources of a person, which allow to reveal oneself in such a socio-psychological phenomenon as "deficiency of normative behavior" in the early stages of adulthood. From the standpoint of the activity approach of A.N. Leont'ev suggested that deficiency discovers itself at three levels of life: physiological, mental, and personal. It is concluded that the deficiency of normative behavior contributes to the deformation of the personality structure, is in destructive mode and blocks the differentiation of mental functions reducing the dynamism of interpersonal interactions.

Key words: corruption practices, corruption, activity approach, norm, normative behavior, deficiency.

References

1. Basov M.Ja. Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya [Selected Psychological Works]. Moscow: Pedagogika, 1975. 432 p. (In Russ.)
2. Berezin S.V., Liseckij K.S., Nazarov E.A. Psihologija narkoticheskoj zavisimosti i sozavisimosti [Psychology of drug addiction and code dependency]. Moscow: MPA, 2001. 231 p. (In Russ.)
3. Vygotskij L.S. Psihologija razvitija cheloveka [Psychology of human development]. Moscow: Smysl, Jeksmo, 2005. 1136 p. (In Russ.)
4. Zakirova L.M. Lichnostnye osobennosti lic s korrupcionnym povedeniem [Personal characteristics of persons with corruption behavior]. Aktual'nye problem jekonomiki i

- prava [Actual Problems of Economics and Law]. 2012, no 4, pp. 26-34 (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Kokurin A.A. O strukturah mal'nykh grupp i ih issledovanii [On the structures of small groups and their study]. In E.V. Shorohova, K.K. Platonov. (ed) *Kollektiv i lichnost'* [Team and personality] Moscow: Nauka, 1975, pp. 57-65
 6. Kulikov L.V. Psihogigiena lichnosti [The hygiene of the individual]. Saint Peterburg: Piter, 2004. 464 p. (In Russ.)
 7. Leont'ev A.N. Dejatel'nost', soznanie, lichnost' [Activity, consciousness, personality] Moscow: Politizdat, 1975. 130p. (In Russ.)
 8. Nurmukhametov E.A. K voprosu o normativnom povedenii podrostka v usloviyah shkol'nogo obucheniya [On the normative behavior of teenagers in terms of schooling] [Elektronnyi resurs]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2013. no. 4 (In Russ., abstr. in Engl.)
 9. Nurmukhametov E.A., Ivanova E.V. K voprosu ob izuchennosti i vozmozhnykh traektoriiakh resheniia problemy korrupsionnoi deiatelnosti v kontekste kompleksnogo mezhdistsiplinarnogo podkhoda [To the question of scrutiny and the possible trajectories of the solution to the problem of corruption in the context of an integrated, multidisciplinary approach]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian law journal]. 2017, no 9(112), pp. 291-292 (In Russ., abstr. in Engl.)
 10. Petrovskij V.A. K ponimaniyu lichnosti v psikhologii [To understanding personality in psychology] *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 1981, no 2, pp. 40-56. (In Russ., abstr. in Engl.)
 11. *Psihologija zdorov'ja* [Health psychology]. In G.S. Nikifirova (ed). Saint Peterburg: Piter, 2006. 607 p.
 12. Radzihovskij L.A. Dejatel'nost': struktura, genez, edinicy analiza [Activity: structure, genesis, units of analysis] *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 1983, no 6, pp. 121-127 (In Russ., abstr. in Engl.)
 13. Rubinshtejn S.L. *Osnovy obshhej psikhologii* [Basics of General psychology]. Saint Peterburg: Piter, 2002. 720p. (In Russ.)
 14. Rudik P.A. *Psihologija: uchebnik dlja studentov* [Psychology: textbook for students]. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1964. 462 p. (In Russ.)